

Годъ

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 49.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1885 года, Декабря 1-го.

Содержаніе: Чтецамъ и пѣвцамъ.—Кто виноватъ?—Притча о заблудшей овцѣ.—Еще нѣсколько словъ по поводу статьи „Торжествующее діаконство“.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

Кто виноватъ?

(Къ вопросу о причинахъ разнообразіа богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій въ нашихъ старинныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ).

Трудно указать опредѣленно, когда появился у насъ на Руси вопросъ о разнообразіи „чиновъ церковныхъ“ и о причинахъ этого разнообразія. Есть основаніе думать, что онъ не былъ чуждъ сознанію княжескихъ людей XII вѣка. Извѣстный Кирикъ съ своими вопросами къ Нифонту, епископу Новгородскому, представляется намъ человѣкомъ вполне заинтересованнымъ этимъ вопросомъ, человѣкомъ, для котораго разнообразіе церковной практики вообще, хотя бы разнообразіе это касалось съ нашей точки зрѣнія вопросовъ самыхъ мелочныхъ, — дѣломъ далеко не безразличнымъ. Но ясно и отчетливо этотъ вопросъ былъ поставленъ на очереди только въ XIV вѣкѣ митрополитомъ Кипріаномъ. Онъ первый изъ русскихъ митрополитовъ открыто называлъ наши церковные богослужебные чины, отличавшіеся уже и въ его время весьма значительнымъ разнообразіемъ, „неправымъ церковнымъ правиломъ“ и въ замѣнъ ихъ порекомендовалъ русскому духовенству чины правые и истинныя, имъ самимъ описанныя. „А что есмь слышали, писалъ митрополитъ Кипріанъ въ 1395 году къ псковскому духовенству, чего нѣтъ у васъ церковнаго правила праваго, то есмь, списавъ, подавали имъ уставъ божественныя службы Златоустовы и Великаго Василья,

также самая служба Златоустова, и священне въ первый день августа мѣсяца, по уставу, также и синодикъ правый, истинный, который чтутъ въ Царигородѣ, въ Софьи святой, въ патриархіи: да приложили есмы къ тому, какъ православныхъ царей поминати, также и князей великихъ и мертвыхъ и живыхъ, якоже мы здѣ въ митрополю поминаемъ, также и крещенне дѣтинное и всякаго христіанина, потомъ обрученне и вѣнчанне. А чего будетъ нынѣ не успѣли списати, прибавляетъ онъ, что вамъ надобно, а то хотимъ излегка заставить писати, да и то у васъ же будетъ; а то что списано и послано къ вамъ съ вашею братьею, то есть все право, истинно“¹⁾. Здѣсь, а равно и въ другихъ посланіяхъ и къ инымъ лицамъ митрополитъ Кипріанъ не обмолвился ни единымъ словомъ о причинахъ этого разнообразія. Въ XV вѣкѣ вопросъ о разнообразіи богослужебныхъ чиновъ не подвинулся впередъ, а остался въ томъ же самомъ положеніи. „Да прислали бы есте къ мнѣ единого отъ священникъ, челоуѣка искусна, говорилъ митрополитъ Фотій въ 1431 году къ тому же псковскому духовенству, и азъ научю его о всѣхъ о церковныхъ правилѣхъ, и о пѣніи церковнѣмъ, и о святыхъ службахъ, и муро святое великое съ тѣмъ же пошлю, и что како будетъ потребно вамъ святое писаніе и то все, списавъ, пошлю къ вамъ: потребно есть истиннымъ православнымъ крестіаномъ по закону жити и славословія всылати Богу, по преданію и узаконенію святыхъ зборовъ“²⁾. Только въ XVI вѣкѣ въ первый разъ виновники разнообразія нашихъ богослужебныхъ чиновъ были названы по имени. „Дивный и изящный философъ“ Максимъ Грекъ, какъ его характеризуетъ наша древность, явившійся на Русь въ началѣ этого столѣтія для перевода богослужебныхъ книгъ, отстраняя отъ себя несправедливыя обвиненія, взво-

¹⁾ Русск. Истор. библ. 1880 г. т. VI, стр. 239.

²⁾ Ibid. стр. 498.

димыя на него современниками, въ свое оправданіе писалъ слѣдующее: „А яко не порчу священныя книги, якоже клеветуютъ мя враждующіи ми всеу, но прилежнѣ и всякимъ вниманіемъ и Божіимъ страхомъ и правымъ разумомъ исправливаю ихъ, въ нихъ же растлѣшася—ово убо отъ преписующихъ ихъ ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости граматикійстѣй, ово же и отъ самѣхъ исперва сотворшихъ книжный переводъ, приснопамятныхъ мужей, речеть бо си истина: есть негдѣ неполно разумѣвшихъ силу еллинскихъ рѣчей и сего ради далече истины отпадоша, еллинска бо бесѣда много и неудобъ разсуждаемо иматъ различіе толка реченій; и аще кто недовольнѣ и совершеннѣ научился будетъ яже граматикіи, и піитики, и риторіи, и самыя философіи, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже приложить я на инъ языкъ“¹⁾. Такимъ образомъ русскіе переводчики и переписчики вотъ, по мнѣнію Максима Грека, настоящіе виновники разнообразія богослужебныхъ чиновъ въ нашей Церкви. Но Максимъ Грекъ съ своими сочиненіями важенъ для насъ не столько потому, что назвалъ истинныхъ виновниковъ разнообразія богослужебныхъ чиновъ по имени, сколько потому, что онъ первый и едва ли не единственный человекъ вполне понялъ и правильно оцѣнилъ дѣятельность нашихъ переводчиковъ и переписчиковъ въ дѣлѣ разнообразія богослужебныхъ чиновъ въ нашей Церкви. Этотъ „изящный и дивный философъ“ рядомъ блестящихъ примѣровъ показалъ, что дѣятельность тѣхъ и другихъ по отношенію къ разнообразію богослужебныхъ чиновъ должна быть сведена до minimum-а, т. е., что если наши русскіе переводчики и переписчики и были причиною разнообразія богослужебныхъ чиновъ, то оно касается только текста ихъ, а не конетрукціи порядка ихъ и находящихся въ нихъ молитвословій и священнодѣйствій, какъ это думали митрополиты: Кипріанъ и Фотій.

¹⁾ Сочин. Максима Грека. изд. Казан. т. III, стр. 62.

Къ сожалѣнію этотъ прекрасный примѣръ въ дальнѣйшей исторіи богослуженія въ нашей Церкви не нашель себѣ достойныхъ подражателей, и мнѣніе Максима Грека осталось безъ поддержки. Повидимому, стоглавый соборъ въ началѣ своей дѣятельности развивалъ ту же мысль, упрекая писцовъ въ томъ, что они „пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, описъ къ описи пребываетъ и недописи и точки непрямые“¹⁾. но дальнѣйшими своими постановленіями въ родѣ слѣдующихъ: „указъ божественныя службы, како достоить священнику или съ діакономъ служити или единому“²⁾, „о дѣтинномъ крещеніи“³⁾, „о обрученіи и вѣнчаніи“⁴⁾, „чинъ и указъ, аще будетъ поняти вдовцу дѣвица или за юношу идетъ вдовица“⁵⁾, отцы этого собора дали ясно понять, что ихъ взгляды на дѣятельность русскихъ переводчиковъ и переписчиковъ по отношенію къ разнообразію богослужебныхъ чиновъ ничего даже не имѣютъ общаго съ взглядами Максима Грека, и что они идутъ по той же дорогѣ, на которой стояли митрополиты: Клипріанъ и Фотій. Нужно сознаться, что отцы стоглаваго собора и не могли, по многимъ весьма причинамъ, возвыситься до уровня понятій „дивнаго изящнаго философа“. На соборѣ 1666—67 гг. снова открыто заговорили „о растлѣніи священныхъ и богослужебныхъ книгъ“ объ „оскверненіи чиновъ таинствъ и послѣдованій церковныхъ“.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ нашей исторической литературѣ и въ особенности въ полемической противораскольнической такъ прочно установилось мнѣніе, что не малую причину разнообразія богослужебныхъ чиновъ въ нашей Церкви были наши русскіе переписчики и переводчики. Этого

¹⁾ Стоглав. изд. Казан. 1864 г. глав. 5, вопр. 5, стр. 52.

²⁾ Ibid. глав. 9, стр. 88.

³⁾ Ibid. глав. 17, стр. 108.

⁴⁾ Ibid. глав. 19, стр. 111.

⁵⁾ Ibidem.

мнѣнія держатся даже такіе знатоки церковно-богослужебной письменности прошлыхъ вѣковъ, какъ напр. Горскій, Невоструевъ, Востоковъ, Ундольскій, преосвящ. Макарій и нѣкоторые др.¹⁾ Исслѣдователи же съ меньшимъ талантомъ, мало знакомые съ богослужебною письменностію нашей и еще менѣе знакомые съ письменностію греческою и земель юго-славянскихъ, стали сочи-

¹⁾ Въ самое недавнее время примкнулъ къ этимъ исслѣдователямъ и профессоръ Казанской духовной Академіи Н. Красносельцевъ. Издавъ въ свѣтъ довольно сомнительнаго происхожденія „памятникъ древне-русской письменности, относящейся къ исторіи нашего богослуженія (?) въ XVI вѣкѣ“, упомянутый исслѣдователь снабдилъ его довольно обширными примѣчаніями, въ которыхъ и высказался ясно взглядъ его на затронутый нами вопросъ. „Наклонность совершителей богослуженія руководиться въ области богослужебной практики собственными „домыслами“, собственнымъ усмотрѣніемъ и разсужденіемъ, говоритъ г. Красносельцевъ въ своихъ замѣчаніяхъ, составляетъ одну изъ весьма видныхъ характеристическихъ чертъ русской религіозности XVI вѣка“ (Прав. Собесѣдн. 1884 г. кн. 1, стр. 97). „Въ концѣ XV и въ XVI в. стремленіе къ облагодѣянію богослуженія у насъ весьма сильно обнаружилось не только въ высшихъ церковно-правительственныхъ сферахъ, но и въ болѣе низменной средѣ переписчиковъ богослужебныхъ книгъ, болшею частію клириковъ, бывшихъ въ то же время и совершителями богослуженія“ (Ibid. стр. 98). „Указанное стремленіе, къ сожалѣнію, по мнѣнію автора, проявилось главнымъ образомъ въ неосновательныхъ и произвольныхъ домыслахъ и пзмышленіяхъ... Переписчики начали относиться къ переписываемымъ ими чинамъ уже не такъ, какъ прежде; заклѣтія старыхъ переписчиковъ—ничего не измѣнять не убавлять и не прибавлять для нихъ повидимому уже имѣли мало значенія. Списывая, напр., чинопостѣдованіе литургіи, наши книжники того времени не довольствовались уже точнымъ воспроизведеніемъ одного какого либо оригинала, а брали обыкновенно нѣсколько оригиналовъ разныхъ редакцій и происхожденія, дополняли ихъ одинъ другимъ, а иногда и собственными измышленіями и составляли такимъ образомъ новыя болѣе обширныя, сводныя редакціи... Въ настоящее время еще нельзя опредѣлить съ точностію, какъ далеко простирались домыслы нашихъ книжниковъ при составленіи этихъ редакцій, но несомнѣнно,

нять цѣлые періоды въ исторіи богослуженія въ нашей Церкви, характеризующіе „непрерывнымъ измѣненіемъ богослужебнаго порядка, падающимъ большею частію на ту часть богослуженія, которая, будучи совершаема тайно священникомъ, не чувствовала вліянія на себѣ консерватизма общаго обычая и менѣе подлежала

что сюда вносилось нѣчто и не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ обыденной чисто русской практики, образовавшейся постепенно на основѣ обыденнаго навыка и невѣжества“ (Ibid. стр. 100). Чтобы хоть сколько нибудь подкрѣпить это свое апріорное „несомнѣнное“ заключеніе фактами г. Красносельцевъ останавливается, между прочимъ, на перечнѣ праздниковъ Богородицы и Предтечи на проскомидіи при изъятіи частицъ изъ второй и третьей просфоры, перечнѣ весьма часто встрѣчающемся въ Служебникахъ XVI вѣка. „Очевидно, заключаетъ г. Красносельцевъ, это есть чисто русскій домысль, практиковавшійся сначала помимо богослужебнаго текста, а потомъ внесенный въ текстъ“ (Ibid. стр. 101). Но при внимательномъ изученіи памятниковъ богослужебной письменности церкви христіанскаго востока, прототиповъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, и „несомнѣнность“ можетъ быть значительно поколеблена и даже сдѣлается вопросомъ довольно сомнительнаго свойства. Такъ, напр., въ данномъ случаѣ мы не видали и не знаемъ пока подобнаго перечисленія праздниковъ Богородицы и Предтечи въ чинѣ проскомидіи служебниковъ греческихъ, сербскихъ, молдо-влахійскихъ и др., а потому и не можемъ сказать опредѣленно, откуда появилась эта особенность въ наши служебники, но мы съ достовѣрностію можемъ утверждать, что подобное перечисленіе праздниковъ вошло въ практику именно изъ письменныхъ источниковъ, „богослужебнаго текста“. Намъ извѣстны молдо-влахійскіе служебники, въ которыхъ имѣются особенные, нынѣ не существующіе въ нашихъ книгахъ, отпусты съ перечисленіемъ въ нихъ праздниковъ въ честь Богородицы и даже Предтечи (р.кп. Импер. публ. библ. № 8 л. 147—148; № 9 л. 78—79; р.кп. собран. Хлудова № 113 л. 78—82). Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, если при болѣе внимательномъ и тщательномъ изученіи богослужебной письменности христіанскаго востока мы встрѣтимъ въ ней и интересующую насъ особенность чина проскомидіи. Вотъ поэтому-то мы рекомендуемъ бы изслѣдователямъ нашего богослуженія по возможности быть осторожнѣе и не спѣшить своими „несомнѣнными“ умозаключеніями...

контролю народа“¹⁾ (Это мнѣніе съ подробностью развито проф. Петербургской духовной Академіи г. Катанскимъ)²⁾.

Въ наше время въ виду замѣтнаго оживленія въ изученіи старинной письменности казалось бы должно ослабѣть это мнѣніе, но на самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ на оборотъ. Мысль о томъ, что русскіе переводчики и переписчики послужили немалую причиною разнообразія богослужебныхъ чиновъ не только не оставлена, а даже усилена и развита далѣе. Въ наше время явилось убѣжденіе, что наши переписчики и переводчики занесли въ наши богослужебные чины очень многое изъ богослужебной практики латинской церкви. Правда, сторонники этого мнѣнія нѣсколько ограничиваютъ свою мысль. Они говорятъ, что вліяніе практики церкви латинской простиралось почти исключительно на то таинство, такой или иной образъ совершенія котораго обуславливаетъ принадлежность чловѣка къ тому или другому исповѣданію,—именно на таинство Крещенія. Это вліяніе латинской практики, по ихъ мнѣнію, идетъ будто бы чрезъ всю почти исторію богослуженія въ русской Церкви, выражаясь то въ возложеніи повязокъ на муропомазанная мѣста тѣла новокрещеннаго, то въ совершеніи крещенія чрезъ обливаніе, то въ употребленіи латинскаго мурѣ, то въ обычаѣ имѣть при крещеніи дитяти—двухъ воспріемниковъ мужчину и женщину, то въ раздѣленіи вопроса объ отрицаніи отъ сатаны на пять отдѣльныхъ вопросовъ³⁾ и т. д. и т. д. Повидимому сторонники и этого мнѣнія, какъ и первые, высказываютъ его не безъ основанія. Въ отвѣтахъ къ игумену Аѳанасію митрополитъ Кипріанъ говоритъ о воспріемникахъ: „а еже многимъ крещати едино дитя—се по латинской пошлинѣ есть“⁴⁾. Относительно формы креще-

¹⁾ Одинцовъ. Поряд. общ. и частн. богослуж. въ древн. Россіи до XVI в. 1881 г. Сиб. стр. 297; Христ. Чтен. 1868 г. к. X, стр. 567.

²⁾ Христ. Чтен. 1868 г. кн. X, стр. 567. •

³⁾ Одинцовъ. Поряд. общ. и частн. богослуж. до XVI в. стр. 299.

⁴⁾ Русск. Истор. библ. т. VI, стр. 254.

ніа тотъ же митрополитъ и въ тѣхъ же отвѣтахъ писалъ: „крещеніе же святое творите сице: не обливати водою, якоже латыни творять, но погружати въ рѣцѣ или сосудѣ чистомъ, установленномъ на се“¹⁾. „Слышатъ же, писалъ митрополитъ Фотій въ 1431 году въ упомянутой нами грамотѣ въ Пековъ относительно миропомазанія, и иное не подобное дѣло въ васъ и Богу ненавидимое, и отречено святыми и богоносными отци и непрощено есть: слышно, что хотящихъ креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, вмѣсто святаго мѣра великаго, мажете мѣромъ латинскимъ, и оскорби мя сіе грозное слышаніе, смути ми сердце“²⁾.

Но какъ бы ни казались убѣдительными доводы сторонниковъ того и другаго мнѣнія относительно причинъ разнообразія богослужебныхъ чиновъ, мы позволяемъ себѣ смѣлость поставить на очередь снова давно уже рѣшенный вопросъ: дѣйствительно ли виноваты наши русскіе переводчики и переписчики въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ, т. е. въ безконтрольномъ произволѣ, пользуясь которымъ, они могли вносить въ наши богослужебные чины все, что имъ казалось хорошимъ, хотя бы даже это было и изъ практики церкви латинской?

Отвѣчаемъ: нѣтъ не виноваты.

Войдемъ въ нѣкоторыя болѣе частныя соображенія по этому поводу. Обратимъ свое вниманіе прежде всего на то, какъ смотрѣли на свою дѣятельность сами наши переводчики и переписчики; какими мотивами они руководились при совершеніи подобныхъ работъ. Все это наши переписчики выразили въ такъ называемыхъ послѣсловіяхъ, написанныхъ ими самими отъ своего лица въ книгахъ ими переписанныхъ. Занимающіеся изученіемъ древней славянскои письменности знаютъ объ этихъ послѣсловіяхъ и безъ сомнѣнія читали ихъ, но къ удивленію почему-то не

¹⁾ Русск. Истор. библ. т. VI, стр. 255.

²⁾ Ibid. стр. 495.

придаютъ этимъ весьма правдивымъ и вполне чистосердечнымъ исповѣдямъ почти никакого значенія въ рѣшеніи поставленнаго нами вопроса. А между тѣмъ на нашъ взглядъ эти послѣловія даютъ первый ключъ къ рѣшенію его. Образцомъ послѣловій мы должны признать послѣловіе, находящееся въ псевдо-Киприановскомъ Служебникѣ¹⁾ XIV вѣка. „Елицѣ же преписуете и поучаетеся сими книгами, ли божественную и безкровную жертву Господеви приносящѣи, священници, и сими книгами молитвы молящеся, говоритъ въ этомъ послѣловіи, поминайте наше смиреніе, яко да и вы тому же поминанію сподоблены будете. Аще ли кто восхоцетъ сія книги преписувати, прибавляется въ этомъ послѣловіи, сматрай не приложити, или отложить едино нѣкое слово, или тычку едину или крючки, иже суть подъ строками въ рядѣхъ, ниже примѣнити слогію нѣкоторую, или приложити отъ обычныхъ, ихже первѣе привыкъ, или паки отложить: ни въ дьяконствахъ, ниже въ возглашеніихъ, ни въ молитвахъ, но съ великимъ вниманіемъ прочитати учитись, или приписувати, яко да не отъ небреженія въ грѣхъ впадете, занеже еже отъ небреженія впасти въ грѣхъ, горшѣи есть, неже еже отъ невидѣнія бываемаго“²⁾. Въ другихъ послѣловіяхъ выражаются тѣ же мысли, т. е. стремленіе со всею возможностью держаться рабски лежащаго передъ переписчикомъ оригинала и извиненіе за невольныя ошибки въ видѣ описокъ. „Списали книги си, говоритъ въ послѣловіи Марко Вечеровиць, Демидовъ сынъ, писатель Параклитика 1369 года, себе на спасеніе, а святымъ въ честь... ачи гдѣ буду описался

¹⁾ Объ этомъ Служебникѣ, а равно и о его названіи псевдо-Киприановскимъ нами сдѣлано довольно обширное замѣчаніе въ статьѣ: „Богослуж. въ Русской Церкви за первые пять вѣковъ“ (Прав. Собесѣдн. 1882 г. кн. II, стр. 155, прим. 1).

²⁾ Служебн. ркп. М. Синод. библ. № 601 л. 72; Опис. слав. ркп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 11.

и вы, отцы и братья, пойте исправляющя, а мене не клините¹⁾. „Молю вы, братіе, взываетъ въ послѣсловіи писецъ четвероевангелія 1609 года, наипаче благоговѣйныхъ іерей и освященныхъ діаконѡвъ, егда случится вамъ сія книги чести, и аще ся гдѣ описаль въ строцѣ или въ словѣ, или въ титлѣ, или въ точцѣ, чтите и исправляйте, а мене грѣшнаго не клените, но молитѣ за мя Бога, занеже есмь грубъ и невѣжа; писанія книжнаго добрѣ не научихся, но надѣяхся въ Троици единому Богу... и челоуѣколюбію послужити и потщахся не ангельскимъ... челоуѣкымъ оумомъ и брѣнною рукою, сія богодхновенныя книги написати, ихже вашей любви вручаю и въ... я руцѣ ваша отдаю, ихже любезно пріимите, а мене грѣшнаго благословите“²⁾.

Такимъ образомъ вотъ какими мотивами руководились наши русскіе переписчики это:—1) глубокою вѣрою послужитъ этимъ дѣломъ спасенію своей собственной души и души своихъ „присныхъ“, 2) пламенною надеждою своимъ посильнымъ трудомъ и умѣньемъ принести пользу Церкви и ея членамъ; а отсюда въ 3) яснымъ и отчетливымъ сознаниемъ важности принятой на себя добровольной задачи и тяжелой отвѣтственности за дурное исполненіе ея предъ Богомъ и людьми.

При такихъ задачахъ остается очень мало мѣста для безконтрольнаго произвола русскіхъ переписчиковъ въ дѣлѣ разнообразія богослужебныхъ чиновъ. Разнообразіе въ текстѣ чиновъ или вѣрнѣе произвольныя ошибки могли быть и были, и наши русскіе переписчики вовсе не были такъ щепетильно самолюбивы, чтобы стали оправдывать себя отъ подобныхъ ошибокъ. Напротивъ, они откровенно сознаются, что книги, переписанныя „брѣнною рукою и уомъ тлѣннымъ, а не Духомъ Святымъ“, не чужды отступленій отъ оригиналовъ въ видѣ „описей

¹⁾ Ркп. Моск. Синод. библ. № 837 (Опис. т. III, ч. I, стр. 473).

²⁾ Восток. Опис. ркп. Румянцев. библ.

и недописей въ строцѣ, или въ словѣ, или титлѣ, или въ точцѣ“. Наши переписчики объясняютъ даже причины этихъ отступленій, каковы: „отсутствіе финейскаго образованія“ (т. е. греческаго — аѳинскаго), „не на ученіе книжное добрѣ и весьма искусно“, умственные грубость и невѣжество, сильная головная боль, дремота, бесѣда съ другомъ во время письма, отсутствіе удобнаго жилища помѣщенія и ветхость оригиналовъ, съ которыхъ списывались новыя книги и т. д. „А писалъ многогрѣшный рабъ Божій Еуферей, поповъ сынъ Ондреевъ, читаемъ мы въ послѣсловіи къ Трїоди постной 1559 года, гдѣ, господине, буди описалса, или переписалъ, или недописалъ и вы, господине, Бога ради дѣля не клените, ни лайте, собою исправите, а на мое худоумїе неподивите, занеже есть, господине, у Финей (т. е. Аѳинянъ) небывалъ“¹⁾. „Писахъ съ великою нуждою, говорится въ одномъ послѣсловіи, болѣхъ главою сильно и душею“. „Господо и братіе, умоляетъ многогрѣшный первый въ грѣшницѣхъ, послѣдній во исповѣданіи священноинокъ, нѣкій Семенище, писатель Апостола XV вѣка, гдѣ буду описался своимъ неразумїемъ, дремля, или съ другомъ бесѣдуячи и вы, о господо, сами исправляйте, а мене въ томъ Бога ради не клените и простите“²⁾. „Помяните мене недостойнаго Гавріила еромонаха, читаемъ мы въ послѣсловіи къ служебнику, въ святыхъ тайнахъ списавшагося сію служебную книгу и погрѣшенія съ благословіемъ исправляйте, а не клените Бога ради, понеже писахъ сый зѣло скудоумъ и безъ мѣста въ чуждыхъ домѣхъ изъ чуждыхъ книгъ въ оскуденїи тѣлесныхъ потребахъ въ хитоци (скорости)³⁾.

Въ тѣхъ же послѣсловіяхъ наши русскіе переписчики оставили свидѣтельства въ видѣ точнаго обозначенія времени, когда они начинали списывать ту или другую богослужебную книгу и когда

¹⁾ Опис. ркп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 253.

²⁾ Опис. ркп. Солов. монаст. К. 1881 г. ч. I, стр. 84.

³⁾ Восток. Опис. ркп. Румянц. библ. стр. 606.

оканчивали ее, свидѣтельства того, сколько труда и усилій они полагали на это, по ихъ представленію, святое дѣло, съ какимъ вниманіемъ и съ какою тщательностію они исполняли свою работу, испытывая, какъ мы видѣли, множество всякаго рода неудобствъ. Понятенъ поэтому тотъ неподдѣльный восторгъ, какой вырвался изъ глубины души писателя Постной тріоди 1559 года Еуферія, попова сына Ондреева, выразившаго его нѣсколько грубовато такъ: „какъ радъ заецъ и съ понята ся вывалилъ, такъ и азъ грѣшный радъ сію книгу списавъ Богу нашему слава“¹⁾.

Все, что мы сказали о русскихъ переписчикахъ, все то же нужно сказать и о русскихъ переводчикахъ богослужебныхъ книгъ, прибавивъ къ этому, что послѣдніе разнообразили текстъ нашихъ книгъ еще и своими переводами влѣдствіе плохаго знанія „много-труднаго и художнаго, зѣло скупаго еллинскаго языка“. Въ этомъ, какъ уже извѣстно намъ, обвинялъ русскихъ переводчиковъ и „дивный и изящный философъ“ Максимъ Грекъ.

Итакъ, по признанію самихъ переводчиковъ и переписчиковъ, они не виноваты въ разнообразіи богослужебныхъ чиновъ въ смыслѣ измѣненія ихъ конструкторціи и внесенія отъ себя особенностей, не имѣвшихся въ оригиналахъ. Тѣмъ болѣе не могутъ признать себя виновными русскіе переписчики и переводчики въ томъ, что они будто бы вносили въ наши богослужебные чины не мало особенностей изъ богослужебной практики церкви латинской. Кто хорошо знаетъ исторію отношеній нашей Церкви къ церкви латинской; кто читалъ посланія, написанныя противъ латинянъ нашими русскими митрополитами²⁾: тотъ пойметъ всю неосновательность этого совершенно несправедливаго обвиненія. Съ своей стороны, чтобы рельефнѣе отгнать для лицъ мало

¹⁾ Опис. ркп. слав. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 524.

²⁾ См. Истор.-литер. Обзоръ древн.-русс. полемическ. сочиненій противъ латинянъ А. Н. Попова. М. 1875 г. и Крит. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русс. полемики противъ латинянъ А. С. Павлова. Спб. 1878 г.

знакомыхъ съ тѣмъ и другимъ—наши старинныя антипатіи къ церкви латинской—„злѣйшей изъ ересей“, какъ говорили тогда, и ко всему латинскому, мы позволяемъ себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ исповѣднаго постановленія для черноризцевъ и схимниковъ XVI вѣка: „согрѣшихъ хоженіемъ въ латынскія божницы и тѣхъ пѣнія слушахъ и сретаяся, или стоя или глаголя съ латыни и со армени и съ жида въ забвеніи миръ и благословіе рекохъ и руку давахъ правую и по отхоженіи прощеніемъ глаголахъ, въ забытіи отъ нихъ слышахъ такожде“¹⁾. При такомъ безглаголющемъ отношеніи русскаго человѣка ко всему латинскому, мысль о заимствованіи нашими русскими переписчиками особенностей богослужебной практики церкви латинской можно назвать по меньшей мѣрѣ невѣроятной.

Но какъ ни правдивы, какъ ни чистосердечны наши русскіе переписчики и переводчики въ своихъ послѣсловіяхъ, какъ ни очевидны ихъ антипатіи къ латинянамъ и ко всему латинскому, тѣмъ не менѣе мы видимъ, какъ показываетъ современная намъ литература, слишкомъ немного такихъ лицъ, которые бы вѣрили во все это. Намъ думается, что и послѣ того, что мы сказали сейчасъ со словъ нашихъ переписчиковъ и переводчиковъ, въ защиту ихъ, отъ несправедливо взводимыхъ на нихъ обвиненій,—далеко не веѣмъ показалось убѣдительнымъ. Напротивъ, мы почти увѣрены, что на основаніи и того, что мы сказали объ исторіи занимающаго насъ вопроса, мы уже подняли не мало вопросовъ, а пожалуй породили въ умахъ своихъ читателей и нѣкоторыя недоумѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, если русскіе переписчики и переводчики не виноваты въ разнообразіи богослужебныхъ чинновъ, какъ мы утверждаемъ, то какимъ образомъ, спросятъ насъ, напр., митрополитъ Кипріанъ рѣшился назвать богослужебныя чины, имѣвшіе

¹⁾ Требн. ркп. М. Синод. библ. № 310 л. 159 об.; ркп. Солов. библ. № 1085 л. 262—270; № 1086 л. 100—101; № 1089 л. 245 об.—259 об. и др.

мѣсто въ богослужебной практикѣ до него — „неправымъ церковнымъ правиломъ“ и рекомендовалъ чины, списанные имъ самимъ, какъ „правые и истинные“? Какимъ образомъ, далѣе, преемникъ митрополита Кипріана по кафедрѣ, — митрополитъ Фотій всего только черезъ 6 лѣтъ вынужденъ былъ послать въ тѣ же области свои чины „по преданію и узаконенію святыхъ зборовъ“? Какъ потомъ примирить между собою дѣятельность этихъ двухъ великихъ архипастырей, преемственно одинъ за другимъ возсѣдавшихъ на митрополичьей кафедрѣ, по отношенію къ устройству всего богослуженія вообще, и по отношенію къ однимъ и тѣмъ же чинослѣдованіямъ — въ частности? Откуда, наконецъ, явилось то разнообразіе богослужебныхъ чиновъ, которое замѣчали и раньше митрополита Кипріана и которое только имъ въ первые было высказано съ такою рѣшительною смѣлостію, а чины были названы „неправымъ церковнымъ правиломъ“?

Такимъ образомъ, слѣдовательно, отъ правильнаго и болѣе или менѣе убѣдительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ и будетъ зависѣть теперь главнымъ образомъ то, чтобы наше мнѣніе о невинности русскихъ переписчиковъ и переводчиковъ въ разнообразіи богослужебныхъ чиновъ, такъ категорически высказанное нами, было благосклонно выслушано нашими читателями, а если возможно, то и принято ими. Будемъ отвѣчать въ порядкѣ поставленныхъ нами вопросовъ.

А. Д—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кто виноватъ¹⁾?

Митрополитъ Кипріянь, какъ извѣстно, былъ родомъ сербъ, приходился роднымъ племянникомъ извѣстному патріарху Тырновскому Евфимію, много и ревностно потрудившемуся надъ устройствомъ богослуженія не только въ родной Болгаріи, но и далеко за ея предѣлами. Получилъ образованіе митрополитъ Кипріянь на Аѳонѣ, который въ ту пору былъ центромъ книжной дѣятельности и центромъ высшаго духовнаго образованія для всѣхъ славянъ безъ исключенія. Русскую митрополичью кафедру онъ могъ занять окончательно только въ 1390 году, именно въ то время, когда богослужебные чины нашихъ книгъ, тяготѣвшихъ почти всецѣло къ богослужебнымъ памятникамъ церкви греческой, отличались уже весьма значительнымъ и рѣзко бьющимъ въ глаза разнообразіемъ особенностей, особенно такимъ новичкамъ, каковъ былъ митрополитъ Кипріянь въ первые годы своего служенія въ русской Церкви. Это разнообразіе нашихъ богослужебныхъ чиновъ не могло не поразить достойнаго архипастыря и не вызвать на размышленіе о средствахъ къ скорѣйшему его уничтоженію въ практикѣ русской Церкви. Достойный примѣръ подобной дѣятельности онъ находилъ въ лицѣ своего роднаго дяди, упомянутаго нами патріарха Тырновскаго Евфимія. Но какъ славянинъ по крови и по воспитанію, хорошо знающій теоретически и практически богослуженіе въ церквахъ юго-славянскихъ и главнымъ образомъ въ монастыряхъ аѳонскихъ, онъ естественно долженъ

¹⁾ См. № 49-й.

былъ принять и принялъ за образецъ для сравненія нашихъ чиновъ и послѣдованій богослужебные книги этихъ церквей, которыя, какъ потомъ оказалось, имѣли не мало особенностей, отличныхъ отъ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Невыгода такого сравненія для нашихъ богослужебныхъ книгъ очевидна для всякаго; результаты его и должны были получиться именно тѣ самыя, которые онъ изложилъ въ грамотѣ къ псковскому духовенству, назвавъ наши чины „неправымъ церковнымъ правиломъ“ и порекомендовалъ вмѣсто нихъ чины истинные и правые, имъ самимъ списанные, очевидно, съ богослужебныхъ книгъ южно-славянскаго происхожденія.

Такимъ образомъ вотъ гдѣ кроется причина того обстоятельства, почему богослужебные чины съ именемъ митрополита Кипріяна, не смотря на свою прямую надпись, что они списаны „отъ грецкихъ книгъ“¹⁾, въ существѣ дѣла есть ни больше, ни меньше какъ копіи съ богослужебныхъ памятниковъ церквей юго-славянскихъ. Здѣсь же одна изъ главныхъ причинъ и того весьма любопытнаго явленія, что въ концѣ XIV в. и въ началѣ XV в. особенно много появляется у насъ на Руси богослужебныхъ памятниковъ церкви сербской въ оригиналахъ, а болѣе того въ спискахъ съ нихъ, сдѣланныхъ русскими переписчиками.

Иныхъ совершенно возрѣній былъ преемникъ митрополита Кипріяна—митрополитъ Фотій. Будучи родомъ грекъ изъ Мореи, плохо даже понимавшій славянскую рѣчь и явившійся къ намъ прямо изъ Константинополя, митрополитъ Фотій, какъ и его предшественникъ, обратилъ свое вниманіе тоже на состояніе богослуженія въ нашей Церкви, но сравнивалъ его уже съ памятниками богослужебной письменности церкви греческой своего времени, какъ для него болѣе всего извѣстной. Само собою разумѣется, что такое сравненіе никоимъ образомъ не могло быть въ пользу

¹⁾ Ошс. славян. рукоп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 11, 203 и др.

нашихъ богослужебныхъ книгъ даже и въ томъ случаѣ, если бы въ нихъ возможно было уничтожить особенности богослуженія церквей юго-славянскихъ, введенныя митрополитомъ Кипріаномъ. Кто знаетъ состояніе богослуженія въ греческой церкви до XIII вѣка (напр., по *εὐχολογίων* - у Гоара) и кому извѣстно богослуженіе въ той же церкви временъ митрополита Фотія (напр., по сочиненіямъ Симеона Солунскаго), тотъ, безъ сомнѣнія, представляетъ, какой значительный шагъ сдѣлало въ своемъ развитіи богослуженіе въ греческой церкви, и какъ все-таки сравнительно далеко отстало отъ него богослуженіе въ нашей Церкви. Поэтому не было бы, кажется, ничего удивительнаго, если бы митрополитъ Фотій, явившись къ намъ на Русь и обративъ свое вниманіе на богослужебныя чины нашихъ памятниковъ древнихъ редакцій безъ особенностей южно-славянскаго богослуженія, сталъ бы рекомендовать своему духовенству, какъ самыя вѣрныя и „истинныя“, чины, имъ самимъ одобренныя и подъ его руководствомъ переведенныя съ современныхъ ему богослужебныхъ памятниковъ церкви греческой. Тѣмъ болѣе ничего не можетъ быть страннаго въ томъ, что митрополитъ Фотій, какъ грекъ, не зная настоящихъ причинъ того разнообразія особенностей, какое представляло въ его время богослуженіе въ русской Церкви, рекомендовалъ для его уничтоженія свои чины „по преданію и узаконенію святыхъ зборовъ“.

Такимъ образомъ понятнo—вотъ почему митрополитъ Фотій въ 1431 году, т. е. ровно чрезъ 36 лѣтъ, вынужденъ былъ въ ту же псковскую область, въ которую митрополитъ Кипріанъ (въ 1395 г.) посылалъ свое „правое церковное правило“, снова посылать свои чины „по преданію и узаконенію святыхъ зборовъ“. Вотъ почему, далѣе, чины нашихъ богослужебныхъ памятниковъ этого времени по своимъ особенностямъ стоятъ ближе къ богослужебнымъ памятникамъ церкви греческой XIV и XV вв. Вотъ почему, наконецъ, въ нашихъ богослужебныхъ памятникахъ XV вѣка мы нерѣдко встрѣчаемъ по два списка одного и того же

чинопослѣдованія, изъ которыхъ одно по своимъ особенностямъ примыкаетъ къ чинамъ сербской редакціи или древнѣйшихъ греческихъ редакцій, а другое имѣетъ поразительное сходство съ богослужебными чинами церкви греческой, но уже въ позднѣйшей редакціи.

Итакъ, хотя оба знаменитые іерарха нашей Церкви выходили въ своей дѣятельности изъ одного и того же побужденія— это свести все разнообразіе нашихъ богослужебныхъ чиновъ къ должному по чину единообразію и сдѣлать наши чины „правыми и истинными“, „по преданію и узаконенію святыхъ зборовъ“,— но разсматривая и оцѣнивая богослужебные чины нашихъ книгъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и митрополитъ Кипріанъ и митрополитъ Фотій достигли результатовъ для нихъ совершенно нежелательныхъ, т. е. и тотъ и другой митрополиты изданіемъ своихъ чиновъ не только не уничтожили существующаго разнообразія богослужебныхъ чиновъ, но напротивъ, по мимо своей воли, способствовали еще большому увеличенію его. Росло число списковъ одного и того же чинопослѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно накоплялось все больше и больше особенностей и разнообразій въ этихъ чинопослѣдованіяхъ въ частности и вообще во всемъ богослуженіи въ нашей древней Церкви. Причина всего этого, какъ видите, далеко не безконтрольный произволь ни въ чемъ повинныхъ писцовъ...

Если же теперь мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ обвинять нашихъ писцовъ XIV и XV вѣковъ въ разнообразіи богослужебныхъ чиновъ, то еще менѣе подлежатъ нашему суду писцы и переводчики XI, XII и XIII вѣковъ, когда связь нашей юной еще Церкви съ матерью—Церковью константинопольскою была самая живая и тѣсная, когда мы во всемъ до самыхъ мелочей старались слѣдовать ея примѣру, подражать ей, когда, слѣдовательно, самая мысль о проявленіи тѣми и другими способами самостоятельности—съ цѣлью ввести въ богослужебную практику тотъ или иной обрядъ, то или другое молитвословіе, которыхъ бы не знала

современная практика церкви греческой, могла казаться самимъ нашимъ писцамъ и переводчикамъ положительно невѣроятной. Впрочемъ, да можно ли еще говорить о русскихъ переписчикахъ и русскихъ переводчикахъ XI, XII и XIII вѣковъ, были ли они у насъ въ это время?—вотъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописи сохранили намъ извѣстiе, что великiй князь Ярославъ и другiе наши князья¹⁾ выписывали писцовъ изъ Болгарiи. Слѣдовательно, русскимъ людямъ этого времени нужно еще было учиться у этихъ писцовъ письму, а не сочинительствомъ заниматься. Безъ сомнѣнiя были писцы (весьма немного) и изъ русскихъ (до насъ сохранились памятники, писанные ими), но, во первыхъ, ихъ зналъ всякiй по имени, а во вторыхъ всѣ они жили или при дворахъ князей, или при епископскихъ кафедрахъ, или, наконецъ, въ монастыряхъ, гдѣ за ними былъ самый строгiй, самый тщательный надзоръ, и гдѣ, слѣдовательно, на безнаказанность рассчитывать нельзя было никоимъ образомъ.

Что касается теперь того разнообразiя богослужебныхъ чиновъ, которое мы видимъ гораздо раньше прiѣзда къ намъ на Русь митрополита Киприана, рѣшившагося, и совершенно безсознательно, какъ мы видѣли, назвать эти чины „неправымъ правиломъ церковнымъ“, то въ этомъ случаѣ мы шли по слѣдамъ церкви

¹⁾ Книгамъ прилежа и почитая е часто въ ноци и во дне, говоритъ наша древняя лѣтопись о Ярославѣ мудромъ, „и собра писъцѣ многи отъ грекъ на словенское и спиша книги многи“ (Полн. Собран. русск. лѣт. т. I, стр. 65). Нѣчто подобное лѣтопись передаетъ о великомъ князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ (Ibid. стр. 187, 188), о волынскомъ князѣ Владимiрѣ Васильковичѣ (Ibid. т. II, стр. 222 и 223) и о другихъ князьяхъ. Выше всякаго сомнѣнiя, что собранные писцы далеко не были людьми русскими или по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, такъ какъ эти послѣднiе были люди, стоящiе на низкой степени культуры и не владѣли греческимъ языкомъ на столько, чтобы свободно переводить на славянскiй языкъ богослужебныя книги, а, по всей вѣроятности, это были иностранцы, т. е. болгары, сербы и, быть можетъ, даже греки, познакомившiеся съ славянскимъ языкомъ черезъ южныхъ славянъ.

греческой. Этимъ разнообразіемъ богослужебныхъ чиновъ мы обязаны почти исключительно греческимъ богослужебнымъ книгамъ, которыя далеко не отличались устойчивостію содержащихся въ нихъ чинопослѣдованій и однообразіемъ богослужебнаго порядка. Что это такъ—въ доказательство сошлемся на упомянутый нами выше *ευχολογιον* Гоара. Въ немъ приведено нѣсколько списковъ однихъ и тѣхъ же чинопослѣдованій греческой церкви VIII, IX и даже XII вѣковъ, но всѣ эти списки не представляютъ тождества. Мы видимъ здѣсь разности между списками одного и того же чинопослѣдованія, принадлежащими по времени своего происхожденія не только къ разнымъ столѣтіямъ, но даже и къ одному и тому же вѣку.

(Относительно мнѣній, которыя были высказаны на соборахъ стоглавомъ и 1666 года, мы не намѣрены говорить, потому что мнѣнія эти суть отголоски тѣхъ сужденій, которыя были высказаны отчасти Максимомъ Грекомъ, а большею частію повтореніемъ того, что было сказано митрополитомъ Кипріаномъ и Фотіемъ).

Послѣ всего того, что мы сказали о причинахъ разнообразія чинопослѣдованій нашихъ старинныхъ богослужебныхъ книгъ и о невинности въ этомъ разнообразіи древне-русскихъ переписчиковъ и переводчиковъ¹⁾, намъ думается было бы совершенно излишне оправдывать этихъ послѣднихъ отъ другаго болѣе тяже-

¹⁾ Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что въ концѣ XVI вѣка, а особенно въ XVII столѣтіи, когда русскіе православные люди подѣлились на два другъ другу враждебные лагеря: на православныхъ, въ послѣдствіи времени получившихъ прозваніе „никоніанъ“, и раскольниковъ, въ богослужебныя и другія церковныя книги стали вноситься уже и „домыслы“ собственнаго изобрѣтенія русскихъ книжниковъ и начетчиковъ съ цѣлью отстоять то или другое изъ своихъ мнѣній, не имѣвшихъ подъ собою исторической или фактической основы, но всѣ подобнаго рода рукописи легко узнаются людьми, знакомыми съ настоящею богослужебною письменностію, а главное—едва ли кто осмѣлится по нимъ дѣлать характеристику богослуженія въ нашей Церкви въ то или другое время. Поэтому мы игнорируемъ рукописи подобнаго происхожденія при рѣшеніи настоящаго вопроса.

лаго обвиненія, взводимого на нихъ, а именно: будто бы наши переписчики и переводчики, пользуясь безконтрольностью своего произвола, внесли въ наши богослужебные чины и по преимуществу въ чинопослѣдованія таинствъ крещенія и муропомазанія весьма немало особенностей изъ богослужебной практики церкви латинской. Обвиненіе, повторяемъ мы, для нашего переписчика стараго времени весьма тяжелое, но оно падаетъ само собою послѣ того, что мы высказали въ защиту ихъ по поводу перваго обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, если причину разнообразія нашихъ богослужебныхъ чиновъ были богослужебные памятники церкви греческой и земель юго-славянскихъ и наши русскіе писцы и переводчики здѣсь совершенно не причемъ, то, слѣдовательно, мысль о томъ, что они очень многое заимствовали въ наши богослужебные чины изъ богослужебной практики церкви латинской, не только совершенно лишняя, но даже странная.

Однако, фактъ нѣкоторой зависимости богослуженія въ нашей Церкви отъ богослужебной практики церкви латинской, по крайней мѣрѣ, въ областяхъ псковской и новгородской, какъ это можно судить на основаніи вышеприведенныхъ грамотъ митрополитовъ Кипріяна и Фотія въ эти области, не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію и требуетъ съ нашей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Прежде всего замѣтимъ, что обвинители нашихъ переписчиковъ въ произвольномъ разнообразіи ими богослужебныхъ чиновъ значительно преувеличиваютъ слова этихъ митрополитовъ, потому что они говорятъ о вліяніи латинства на самую богослужебную практику, а не на богослужебные чины, содержащіеся въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, какъ не подлежащіе никакимъ вліяніямъ, кромѣ практики церквей греческой и земель юго-славянскихъ. Потому, указанная митрополитами Кипріяномъ и Фотіемъ особенности нашей древне-русской богослужебной практики, какъ свѣдѣтельства существовавшей связи ея съ практикою церкви латинской, дѣйствительнымъ положеніемъ вещей не оправдывается, потому что за исключеніемъ муропомазанія латинскимъ муромъ и

отчасти обливательнаго крещенія¹⁾, всѣ остальные особенности не были чужды богослужебнымъ памятникамъ церкви греческой и земель юго - славянскихъ.

Но за всѣмъ тѣмъ самое ясное, самое наглядное, самое неопровержимое доказательство невинности древне - русскихъ переводчиковъ и переписчиковъ можетъ дать, по нашему мнѣнію, внимательное и всестороннее изученіе богослужебной письменности христіанскаго востока и сочиненій отеческихъ и другихъ писателей, такъ или иначе касавшихся вопросовъ изъ области православнаго христіанскаго богослуженія. Мы лично, ознакомившись съ богослужебною славяно-русскою письменностію въ различныхъ русскихъ бібліотекахъ, для сличенія отмѣченныхъ въ ней особенностей, отличныхъ отъ современнаго намъ богослуженія, сочли настоятельно нужнымъ въ интересахъ исторической правды изучить рукописи греческія и южно-славянскія въ бібліотекахъ С.-Петербургской Императорской публичной, Московской Синодальной, М. Румянцевскаго Музея, М. единовѣрческаго Никольскаго монастыря (бывшей купца А. И. Хлудова), отчасти ватиканской римской²⁾ и др., протудировать свято - отеческія творенія Кирилла іерусалимскаго, Діонисія Ареопагита, Тертуліана, Августина, Симеона Солунскаго и др. и ознакомиться съ *εὐχολογίων*—омъ

¹⁾ Что касается крещенія чрезъ обливаніе, то эта форма едва ли можетъ считаться исключительной принадлежностію только практики церкви латинской. Эта форма крещенія въ исключительныхъ случаяхъ допускалась въ древне-христіанской Церкви (Bingh. Origin. eccles. edit. II Magdeb. 1755 an. vol. IV pag. 336) и даже едва ли не со времянъ апостольскихъ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1884 г. кн. XI, стр. 377).

²⁾ Въ настоящее время знакомство съ рукописями этой бібліотеки вполне возможно по книгѣ проф. Н. Θ. Красносельцева, недавно появившейся въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ ватиканской бібліотеки съ замѣчаніями о составѣ и особенностяхъ богослужебныхъ чинослѣдованій, въ нихъ содержащихся и съ приложеніями. Изъ отчета объ ученыхъ занятіяхъ за границей въ 1882 г.“ Казань. 1885 г.

Гоара, *Archieratichou*—омъ Габерта и другими трудами ученыхъ западныхъ писателей, интересовавшихся богослуженіемъ восточной Православной Церкви. Результатомъ этого нашего знакомства изученія явилось изслѣдованіе „Богослуженіе въ Русской Церкви въ XVI вѣкѣ ч. I“¹⁾ съ одной стороны, а съ другой убѣжденіе, что какъ ни велико число списковъ богослужебныхъ чиновъ послѣдованій въ нашихъ старинныхъ богослужебныхъ книгахъ, какъ ни разнообразны въ нихъ существующія особенности, тѣмъ не менѣе всѣ эти списки можно раздѣлить (хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій) на три далеко неравныя группы. Списки чиновъ первой группы или редакціи по своимъ особенностямъ примыкаютъ къ памятникамъ греческой церкви, но древнѣйшихъ редакцій приблизительно до XIV столѣтія, списки чиновъ второй группы—къ чинамъ памятниковъ земель юго-славянскихъ и, наконецъ, списки третьей группы чиновъ—къ памятникамъ греческой церкви, но въ новѣйшихъ редакціяхъ, начиная отъ XV вѣка и далѣе, кончая венеціанскими старопечатными изданіями. На долю же русскихъ переводчиковъ и переписчиковъ трудно отнести какія бы то ни было особенности нашего древне-русскаго богослуженія, хотя нѣкоторыя весьма немногія изъ нихъ и остаются пока еще безъ объясненія. Намъ кажется или, лучше сказать, мы увѣрены, что при большемъ знакомствѣ съ богослужебною письменностію христіанскаго востока, хранящеюся въ бібліотекахъ Аѳона, Синая, Палестины, Константинополя и другихъ мѣсть, будутъ объяснены и эти, особенности богослуженія въ нашей Церкви...

Итакъ въ концѣ концовъ мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ:

¹⁾ То же самое мы доказывали въ своихъ критическихъ статьяхъ „Богослуженіе въ Русской Церкви за первые пять вѣковъ“ (Прав. Собесѣд. за 1882 и 83 гг.). Подтвержденіе нашей мысли можно находить въ капитальныхъ трудахъ профессора Московской дух. Академіи И. Д. Мансветова и даже въ послѣднемъ трудѣ Н. О. Красносельцева, о которомъ мы упоминали въ предъидущемъ прижѣчаніи.

1) Начало вопроса о происхождении разнообразія чиновъ богослужебной практики въ древне-русской Церкви относится приблизительно къ XII вѣку, но виновники этого разнообразія были названы по имени только въ XVI вѣкѣ знаменитымъ ученымъ Максимомъ Грекомъ.

2) Участіе нашихъ переводчиковъ и переписчиковъ въ этомъ разнообразіи было, такъ сказать, невольное и относится скорѣе къ внѣшности рукописи, чѣмъ къ внутреннему ея содержанію, т. е. если они и разнообразили наши чины особенностями, то это зависѣло или отъ плохаго знанія греческаго языка или отъ небрежности и невниманія при ихъ перепискѣ, но ни въ какомъ случаѣ не отъ преднамѣренности въ надеждѣ на безконтрольность и безнаказанность со стороны высшей власти—внести въ наши богослужебные чины свои измышленія и „домыслы“, не имѣющіеся въ ихъ оригиналахъ.

3) Дѣйствительною виною этого разнообразія были оригиналы, съ которыхъ наши рукописи представляютъ дословную почти переписку, т. е. рукописи греческія и южно-славянскія, приходившія къ намъ на Русь въ разное время и въ разныхъ редакціяхъ.

4) Невольными пособниками въ этомъ разнообразіи были не только наши русскіе князья, дававшіе для перевода своимъ переводникамъ и переписчикамъ богослужебныя рукописи самыхъ разнообразныхъ редакцій, щедродательные жертвователи, которые весьма нерѣдко вмѣстѣ съ предметами дарили въ церковь богослужебныя рукописи, весьма нерѣдко покупавшіеся у южныхъ славянъ, но даже и русскіе первосвятители, ревностно заботившіеся о приведеніи къ однообразію нашего богослуженія, какъ, напр., митрополиты Кипріанъ и Фотій, которые давали въ образецъ своему духовенству чины разнообразныхъ редакцій и различнаго происхожденія.

А. Д—скій.
